

Фиго почувствовал, будто видел очень долгий сон.

В том сне он словно упал в бесконечную, беспредельную тьму, и даже раскрыв глаза как можно шире, всё равно ничего не мог разглядеть.

Тело непрерывно падало, а в ушах стоял лишь свист ветра при падении, непрерывно атакующий барабанные перепонки.

Фиго даже не знал, где верх, а где низ. Как унесённый потоком человек, он инстинктивно протянул руку, пытаясь ухватиться за соломинку.

Он не хотел падать в бездонную пропасть.

Но одновременно с огромным страхом и неизвестной тьмой пришла необъяснимая усталость души и сильная внутренняя боль.

Фиго чувствовал, будто за всё время падения какая-то неведомая сила разрывала его на множество осколков, каждый из которых тянул его плоть, пытаясь разорвать на части.

Так больно...

Он так устал...

Умиравший человек едва ли чувствовал себя хуже.

Он изо всех сил пытался открыть глаза, сопротивляясь боли и усталости, тянувшим его в ад, но всё это было лишь тщетной предсмертной агонией.

Его веки становились всё тяжелее, медленно закрываясь. Поднятая рука ослабевала и медленно опускалась.

В падающей бездне, казалось, звучал далёкий, низкий голос, медленно взывавший к нему:

— Иди... иди...

— Отдай мне свою душу, позволь мне завершить твою великую эволюцию... мы обретём ещё более могущественную силу.

— Иди...

В тот момент Фиго в своём помрачнённом сознании подумал, что, возможно, он действительно не выдержит.

Но как раз в момент отчаяния над головой вдруг появился слабый лучик света.

И тогда Фиго слышал райски чистый, мелодичный зов.

— Тигрёнок, верь мне.

Кто это?

Фиго собирался окончательно закрыть глаза, прекратив бессмысленную борьбу, но этот голос прочно засел в его сознании, не желая уходить.

Он изо всех сил пытался вспомнить хозяина голоса, но из-за глубокого бессознательного состояния мозг не мог эффективно мыслить. Он мог лишь инстинктивно стремиться к тому слабому свету и слабому, но твёрдому зову.

Тот изначально крошечный лучик света, проникнув в абсолютную тьму бездны, словно семя, укоренившееся в почве, быстро начал пускать корни, распространяясь всё дальше, пока наконец не оказался в непосредственной близости от Фиго.

Даже будучи настолько истощённым, что было трудно моргнуть, он всё же собрал последние силы и дрожащей рукой потянулся к тому золотому сиянию...

Чуть ближе, ещё чуть ближе, и скоро можно будет коснуться света.

Держась этой веры, Фиго, сам не зная откуда, обрёл смелость и силу, отчаянно прыгнув в сияние, всё ярче сверкавшее в темноте.

Невероятно чистая, тёплая жидкость мгновенно обволокла его, и это невыразимое чувство безопасности было словно возвращение в материнскую утробу, где с каждым вдохом ощущалась жизненная сила матери.

Пронизывающая до костей боль мгновенно исчезла. Усталость, исходившая из самой души, рассеялась. А беспросветная тьма и отчаяние были развеяны этим нежным светом.

Его мир с появлением этого света наконец вновь прояснился.

Потерянные силы Фиго постепенно возвращались, а сознание прояснялось.

Тигриные уши непроизвольно дёрнулись, а затем веки альфы затрепетали.

Фиго изо всех сил открыл глаза. Сначала перед ним предстали мерцающие золотые огоньки, слившиеся в струящийся ручеёк, а затем в поле зрения появился человек, которого он думал уже больше никогда не увидит.

— Цюэ Цю?! — Фиго резко очнулся. Его глаза в этот момент расширились до предела, с недоверием глядя на это чудесное зрелище.

— Это правда ты? — Его голос дрожал от волнения, он едва мог выговорить целое предложение.

— Это я, — кивнул Цюэ Цю.

Золотистое сияние, струившееся с его кончиков пальцев, постепенно возвращалось.

Фиго остолбенел как минимум на несколько минут или даже дольше. Он ошеломлённо смотрел на Цюэ Цю, в голове царил пустота. В его сердце изначально были тысячи слов, которые он хотел сказать, но в этот момент остались лишь бурные чувства, а всё остальное невозможно было выговорить.

В такие моменты слова становились настолько бледными, что не в силах выразить те сильные эмоции в душе.

Цюэ Цю улыбнулся ему, и эта улыбка омеги, обычно холодного, как бесчувственный робот, несомненно, обладала огромной силой воздействия.

Итак, мозг Фиго, как и ожидалось, снова отказал на несколько минут.

Он долго пытался успокоиться, чтобы немного сдержать свои эмоции. Затем он вспомнил одну вещь:

— Как ты оказался в лечебном отделении?!

После этого неожиданного вопроса Фиго словно только сейчас осознал и с запозданием спросил себя: «Да, как Цюэ Цю оказался в таком месте?»

Как будто вспомнив что-то неприятное, Фиго на мгновение забыл о радости. Он тут же сел, нервно потянул Цюэ Цю к себе и тщательно осмотрел его с головы до ног, изнутри и снаружи.

Цюэ Цю, глядя на такую осторожность, не знал, плакать ему или смеяться. Кто не знал, мог бы

подумать, что генетическая болезнь проявилась у него, а не у Фиго.

— Не пугай себя, со мной всё в порядке. — Цюэ Цю, боясь напугать альфу, поспешно объяснил: — После того как тебя забрала инспекционная команда, я пошёл к инструктору Аню и узнал, что кроме тебя ещё десяток первокурсников боевого факультета тоже были уведены. Из-за нехватки омега-целителей, желающих дежурить, я боялся, что ваше состояние ухудшится без своевременного лечения, поэтому пошёл к директору с просьбой войти в лечебное отделение, чтобы оказать помощь, поэтому сейчас я перед тобой.

Фиго слушал ошеломлённо, совершенно не ожидая, что за время его бессознательного состояния произошло столько событий.

Но затем он снова нахмурился:

— Зачем ты так глупо поступил? Ты же не омега-целитель, близкий контакт с большим количеством альф и бет с проявленной генетической болезнью сам по себе рискован, не говоря уже о таком месте, как лечебное отделение.

— Я не мог равнодушно наблюдать за вашей ситуацией. Это моё собственное решение, никто не заставлял меня. И перед приходом я уже психологически подготовился.

Хотя сам заинтересованный говорил так, Фиго всё равно не одобрял его поступок:

— Это совсем не то, что ты должен делать. Если из-за лечения нас ты получишь какие-то травмы, даже если я успешно избегу опасности, я никогда не смогу простить себя.

Состояние Фиго только-только улучшилось, Цюэ Цю не хотел обсуждать с ним такие тяжёлые темы. Он протянул руку и потёр упругие тигриные уши, успокаивая:

— Как ты не хочешь, чтобы со мной что-то случилось из-за вашего спасения, так же и я не могу видеть вас брошенными в таком месте без присмотра. Раз я решился прийти, значит, уверен в успехе. Тебе действительно не нужно слишком волноваться.

Сказав это, Цюэ Цю встал и отступил на несколько шагов, чтобы Фиго рассмотрел получше.

— Смотри, всё в порядке. Мы все выйдем отсюда целыми и невредимыми. Попробуй расслабиться, хорошо?

У Фиго защипало в носу, он чуть не заплакал. Он не знал, что именно сделал Цюэ Цю и какую цену заплатил, чтобы вытащить его с грани смерти. Он лишь знал, что этот хрупкий омега снова и снова вызывал в нём огромную благодарность.

Цюэ Цю был слишком хорош. Так хорош, что Фиго даже думал, что он нереален, а лишь прекрасный сон, от которого не хочется просыпаться.

Многолетний жестокий опыт ясно говорил ему, что в Империи, особенно в таких условиях, как на Тёмной планете, даже в утопической фантазии не могло быть такого существа, как Цюэ Цю.

Этот красивый и добрый омега перед ним был утопичнее утопии и фантастичнее фантазии.

Его появление должно считаться честью для этого мира.

— Я даже не знаю, как тебя благодарить... — Фиго опустил голову, чувствуя и заботу, и вину. — Ты как Богиня Жизни, даруешь мне бесконечно много, но никогда не требуешь ничего взамен...

Цюэ Цю тихо сказал:

— Ты уже дал мне многое — невидимое, но бесценное.

Сказав это, он достал из кармана маленький светло-жёлтый цветок и мягко положил на колени Фиго.

— Это... это...

Фиго смотрел ошеломлённо, его дыхание на мгновение остановилось.

Цюэ Цю сказал:

— Это цветок шелестуна. Однажды бета сказал мне, что в пустыне Тёмной планеты почти не выживают растения, лишь шелестуны упорно укореняются. Когда я уезжал, он подарил мне один цветок.

А теперь он дарил этот цветок Фиго.

— Я знаю, что альфы с рождения считаются оружием войны и несут большую часть пограничного давления Империи, но в итоге получают лишь болезни и сокращение жизни. В моих глазах вы как цветы шелестуна, укоренившиеся в самой бедной земле, но способные расцвести прекрасными цветами.

— Я никогда... никогда не видел... — Голос Фиго дрожал и несколько раз прерывался от рыданий. Он бережно прижал цветок размером меньше половины своей ладони, прилегая щекой к нежным лепесткам и улавливая едва заметный аромат.

Такой маленький, незаметный цветок был в его глазах самой прекрасной вещью во всей вселенной.

И, самое главное, это его шелестун, подаренный ему Цюэ Цю.

Фиго эмоционально поцеловал лепестки, ощущая жизнь цветка.

В этот момент он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Кого угодно тронула бы такая искренняя сцена, не исключая Цюэ Цю. Его обычно безжизненные золотистые глаза наполнились долей облегчения.

Подождав, пока Фиго немного придёт в себя, он сказал:

— Твоя болезнь уже под контролем. Если в ближайшее время не возникнет сильных потрясений, всё будет хорошо. Перед приходом я поговорил с инструктором Анем. На рассвете Сяо Фэн и Тан Бутянь принесут тебе успокаивающее средство, которое я сделал сам. С его помощью твой состояние стабилизируется.

Фиго не успел обрадоваться, как остро почувствовал что-то неладное.

Он поспешно поднял голову, спросив:

— А ты?

Цюэ Цю ответил:

— Так же как я спас тебя, я продолжу спасать больше альф.

<http://bllate.org/book/13573/1324509>